

Глава 1

1926 год. Крым

*Н*изенький кривоногий татарин Зариф сидел на завалинке возле своего дома и жевал пожухлую травинку. Его жена Алима вот-вот должна была родить, и это его беспокоило. Да и как не беспокоиться, когда двое детей умерли от того, что их нечем было кормить? У семьи Гафуровых не было ни денег, ни продуктов. Единственная корова давала жидкое молоко и доилась плохо: на дворе стояла чахлая крымская весна, и трава, местами выглядывавшая из мокрой серой земли, не служила достаточным пропитанием скоту. Зариф постучал кулаком по камню, выругался сквозь зубы и стал раздумывать, где можно раздобыть сена. Если попросить колхозное начальство... Хотя это бесполезно, корма скоту не хватало. Зариф посмотрел на равнодушный диск солнца, висевший над высокой горой — ему явно не было дела до жалких людишек, — и вздрогнул, услышав чьи-то голоса.

— Привет, Зариф, — тракторист Алексей, лысоватый мужичок лет сорока, протянул ему руку. — Вот, знакомься. К нам пожаловали столичные гости.

Татарин поднял голову и увидел двух невысоких мужчин. Один из них, с узким худым лицом, в очках с тонкой оправой, раздвинул в улыбке губы:

— Александр Васильевич Барченко, ученый из Петербурга. А это мой приятель, тоже ученый и тоже Александр, только Кондиайн.

Приятель кивнул, морщась от морозящего дождя.

— Вот, посоветовали обратиться к вам. Приютите на несколько дней? Ну, может быть, недель. Мы вам заплатим.

Зариф не верил своим ушам.

— Вы хотите поселиться у меня? Но в доме (у него дрогнул голос — какой это дом, самая настоящая халупа) мало места.

— У всех одинаково, — пояснил Барченко и снова улыбнулся. — Мне рекомендовали вас как человека, хорошо знакомого с горной местностью. Если станете нашим проводником, заплатим вдвойне. Совершите с нами прогулки в Чуфут-Кале?

Татарин развел руками:

— Ну, если вас все устраивает...

— Тогда пойдем. Кстати, если приютите на днях и несколько наших учеников, тоже в долгу не останемся.

Хозяин ничего не ответил. Александр Васильевич подхватил легкую сумку и направился в дом. На крыльце Зариф опередил его, чтобы рассказать жене о странных гостях. Черноглазая желтолицая Алима, маленькая, хрупкая, с огромным выпирающим животом, схватилась за грудь:

— Ох, Зариф, чем же мы будем угощать гостей?

— Об этом не беспокойтесь, — Александр Васильевич вошел следом, вежливо поздоровался с женщиной и, рас-

крыв сумку, стал выкладывать продукты. — Мы выгодные постояльцы.

Алима бросилась на кухню.

— Значит, вы ученые? — Зариф указал на маленькую комнатку с одной-единственной кроватью у окна. — Располагайтесь. Как видите, места у нас немного.

— Да, мы ученые, — подтвердил Александр Васильевич.

— И зачем вам пещерный город?

Второй Александр, высокий, худощавый, с чуть раскосыми черными глазами, щелкнул длинными пальцами:

— Слышали легенду о Золотой колыбели?

Зариф скривился:

— А кто ее в наших краях не слышал? Мангунский князь спрятал эту реликвию в горах, чтобы она не досталась врагам. Говорят, кто отыщет ее, тому владеть миром. Неужели господа верят в подобные сказки?

Тезки переглянулись и расхохотались.

— И да, и нет, — Барченко ловко ушел от ответа. — Так что, проводите нас до пещерного города?

Зариф махнул рукой:

— Отчего ж не проводить? Только зачем зря терять время? Все равно ничего не найдете.

— Это наша забота.

Александр Васильевич потянул воздух острым носом:

— Хорошая у вас хозяйка, Зариф. Чувствую, для нас готовится что-то очень вкусное. Давай-ка, друг мой, переоденемся. Обед не за горами.

Зариф вышел из комнатки, оставив их вдвоем, но остался за дверью. В нем проснулся интерес к этим странным людям. Неужели они действительно думают, что найдут Золотую колыбель? Татарин прислушался.

— Почему ты решил, что нам следует искать в Крыму? — поинтересовался Кондиайн.

— Потому что, произведя исследования, я понял: здесь имеются свои случаи мерячения, — пояснил Барченко. — Известно, что в пещерных городах, которых в Крыму очень много, у людей наблюдались приступы необоснованного страха. Правда, меня очень интересует и другой вопрос. Скажи, что тебе удалось узнать про Успенский монастырь? Если ты не забыл, в письме я просил тебя об этом. Меня интересует культ Девы Марии. Если удастся раскопать что-то стоящее, я поверю, что Золотая колыбель и Чаша Грааля — одно и то же.

Друг кивнул:

— Кое-что накопал. Здесь действительно царил культ Марии. По преданию, она являлась первым монахам, жившим здесь. Именно поэтому разросшаяся Успенская церковь всегда привлекала богомольцев. Посол, московский историк Лызлов, в своем труде «Скифская история» говорит, что даже крымский хан, отправляясь в поход, обращался к покровительству Пресвятой Богородицы.

Александр Васильевич провел рукой по широкому лбу, прорезанному глубокой продольной морщиной:

— Почему в Бахчисарае и Чуфут-Кале процветал такой культ Марии? Разве это не кажется странным?

Кондиайн поморщился:

— Дзержинский и его друзья дали нам другое задание. Если бы они знали, о чем мы с тобой говорим...

— Я, кстати, не отклоняюсь от темы, — заметил Барченко и еще что-то добавил, но Зариф не расслышал: в комнате появилась Алима:

— Плов готов. Зови гостей.

Зариф деликатно постучался к гостям:

— Просим к столу.

Он услышал, как Александр Васильевич хлопнул в ладоши:

— Ужасно хочу есть. После обеда отдохнем, а в горы — завтра.

Гости не обманули ожиданий хозяев. Они хорошо заплатили Зарифу и за постой, и за экспедиции в горы. На привалах татарин внимательно вглядывался в их разрумянившиеся лица, будто стараясь найти ответы на мучившие его вопросы, но это ему не удавалось. Скорее всего, ученые ничего не нашли. Кроме исследований в горах, гости беседовали с жителями Бахчисарая, особенно с крымчаком Яковом Бакиши, знавшим много крымских преданий. Когда мужчины засобирались домой, татарин наконец решил спросить:

— Вы нашли Золотую колыбель?

Барченко хлопнул его по плечу:

— Даже не знаю, что тебе сказать. Нет, одно знаю точно: сюда еще вернутся и обязательно что-нибудь отыщут. Можешь мне верить.

Больше Зариф их никогда не видел. Он долго не мог понять, почему они не приехали. Разве Александр Васильевич не намекнул, что эти работы будут продолжены?

Глава 2

1938 год. Петербург

Александр Барченко мерил шагами камеру смертников. Странно, но думалось ему вовсе не о смерти, он вспоминал те казавшиеся теперь далекими и нереальными экспедиции в пещеры Крыма, Гималаев и Русского Севера, подземные хранилища глубочайших тайн мировой цивилизации. И, главное, он подошел к тому, что

искал, очень близко. Только передавать знания государству, нафаршированному недалекими чекистами, которые праят бал, Барченко не собирался.

В зарешеченное тюремное окошко пытался прорвать-ся солнечный луч. Склизкие стены пахли плесенью, плакали мутными каплями. Александр Васильевич присел на незаправленную постель с желтоватыми простынями. Грустные мысли хороводом кружились в голове. Интересно, когда его расстреляют? Сколько ему осталось? Неужели напоследок не разрешат встретиться с женой и сыном? Неужели...

Лязг открываемого замка заставил его вздрогнуть. В камеру вошел худощавый следователь с неизменным черным портфелем и дежурной слащавой улыбкой на тонких губах.

— Здравствуйте, Александр Васильевич!

Ах, как он ненавидел представителей этой лицемерной системы, заставившей его, ученого и писателя, работать на нее в поте лица, а потом вышвырнувшей, как использованную ветошь. Следователь протянул заключенному руку с длинными желтоватыми пальцами в синих родинках чернил, однако Барченко сделал вид, что не заметил этого жеста. Мужчина сконфузился. Он ожидал от смертника полных отчаяния глаз и рвущейся из глубины души надежды на отмену приговора. Ну, если не отмены, то хотя бы отсрочки, дававшей шанс на пересмотр дела. Но Барченко вел себя совсем по-другому, и представитель органов растерялся.

— Вы не рады меня видеть?

Ученый посмотрел куда-то в сторону:

— Скажу откровенно — нет. И потом, мне не ясна цель вашего визита. Зачем вы пришли? Я рассказал все, что знаю, суд вынес приговор, скоро меня расстреляют.

Неужели даже в последние часы моей жизни вы не дадите мне покоя?

Мужчина потер руки:

— Вы слишком плохо обо мне думаете. Знаете, я отношусь к той кучке людей, которые еще не отчаялись вызволить вас отсюда.

Барченко усмехнулся:

— Ой ли? И каким же образом?

Следователь сел рядом с заключенным. Кажется, Александр пошел на контакт. Возможно, у него получится выполнить поручение одного из самых могущественных представителей организации. Должно получиться, иначе... Иначе он не уверен и в своей судьбе.

— Сейчас мы делаем все, чтобы добиться отсрочки, — попытался он заверить смертника, — мы хотим обратиться к самому Сталину.

Лицо заключенного ничего не выразило, лишь бледные губы слегка дрогнули.

— Вы верите нам? Мы хотим спасти вас.

Барченко пожал плечами:

— Это несвоевременный разговор. И все же: что нужно от меня?

Следователь открыл немного потертый портфель из черного кожзама и вытащил чистые листы бумаги и карандаш:

— Очень влиятельные люди желают, чтобы вы подробно описали каждую экспедицию. Особенно нас интересует крымская.

Александр Васильевич вздрогнул. Почему крымская? Каждая его экспедиция имела огромное значение. Что же касается работы в горах полуострова... Возможно, им что-нибудь известно о рукописях, которые остались в пещере...

Заклученный внимательно посмотрел на следователя своими грустными серыми глазами.

— Почему же именно крымская?

— Я не обсуждаю приказы, — мужчина быстро встал и поправил гимнастерку. — Не буду вам мешать. Желаю удачи. Пишите как можно подробнее.

Он пошел к двери, а ученый, проводив его неприязненным взглядом, вертел в пальцах карандаш. Жизнь кинолентой крутилась в памяти. Да, что правда, то правда, ему многого удалось достичь. Он занимался такими науками, о которых его отец, простой нотариус окружного суда, не имел и понятия. Оккультизм, астрология, хиромантия привлекали его с юности. В те времена граница между оккультизмом и естественно-научными дисциплинами была довольно размытой, и Александр увлекся медициной, отдавая предпочтение изучению паранормальных человеческих способностей — феноменам телепатии и гипноза. Затем — медицинский факультет Казанского университета, перевод в Юрьевский университет и знакомство с профессором римского права Кривцовым. Именно этот человек рассказал ему о встречах в Париже с мистиком-оккультистом Сент-Ивом де Альвейдром.

Барченко отложил карандаш и почесал за ухом. Надо ли писать об этом? Пожалуй, нет, он уже рассказывал о знакомстве с Кривцовым и беседами с ним ранее. Тогда этот же следователь с бесстрастным лицом вел допрос, а Александр пытался ответить как можно точнее: он еще надеялся на чудо.

— Рассказ Кривцова явился первым толчком, направившим мое мышление на путь исканий, наполнивших в дальнейшем всю мою жизнь, — медленно говорил ученый. — Предполагая возможность сохранения в той или

иной форме остатков этой доисторической науки, я занимался изучением древней истории, культуры, мистических учений и постепенно ушел в мистику. Увлечение мистикой доходило до того, что в тысяча девятьсот девятом — тысяча девятьсот одиннадцатом годах, начитавшись пособий, я занимался хиромантией — гадал по рукам.

Вот здесь следователь позволил себе улыбнуться.

— И получалось?

— Представьте себе. Потом я всерьез занялся изучением паранормальных способностей человека.

Следователь без интереса выслушал рассказ о зарубежных поездках заключенного, и это не ускользнуло от Барченко. А ведь сколько мог бы поведать ему Александр хотя бы о своем увлечении естествознанием и об изучении видов «лучистой энергии», оказывавшей влияние на жизнь человека! Сколько рассказов и очерков написал он на эту тему! И о роли солнца — источника жизни на Земле и на других планетах, например, на Марсе, где, вполне вероятно, живут братья по разуму, и о существовании эфира — души природы. Да, именно ее души, ведь чудовищные взрывы и вихри тотчас отражаются на электромагнитном состоянии Земли. Стрелки магнитных приборов мечутся, как безумные, вспыхивают северные сияния... Телеграфы отказываются работать, трамваи стоят как вкопанные...

Александр надеялся, что когда-нибудь наука установит связь между такими колебаниями и крупными событиями общественной жизни. Впрочем, его интересовали и другие виды лучистой энергии: звук, теплота, электричество. Тогда он увлекся открытием француза Блондло об «N-лучах» как особой разновидности психофизической энергии, излучаемой человеческим мозгом.

Другие ученые тоже обращали внимание, что фактически любая мозговая деятельность человека сопровождается обильным излучением. А если это так, то почему нельзя передавать мысли на расстоянии? Увлечись этой идеей, Александр поставил собственные эксперименты, которые позволили сделать вывод: N-лучи — не исключительный двигатель мысли. Ведь существует же предание, что человечество уже переживало сотни тысяч лет назад степень культуры не ниже современной. А остатки этой культуры передаются из поколения в поколение тайными обществами. Сколько лет он посвятил работе над такими важными для человечества проблемами! Сначала его исследования прервала Первая мировая, а потом — Октябрьская революция. От последней он испытал шок. Что будет с ним? Что будет с его исследованиями? Немного поразмыслив, ученый решил: лучшее поведение — христианский пацифизм, невмешательство в политическую борьбу. А вообще, хочешь что-то переделать — начинай с себя. И Барченко начал... Он активно посещал эзотерические кружки, собиравшиеся в Петрограде. Их члены обсуждали религиозно-философские вопросы и актуальные политические темы. Разумеется, большевиков критиковали. Сначала Барченко слушал такие выступления с пониманием, но однажды вступил в полемику, и ему дали понять, что его идеи здесь никому не нужны и непонятны. Александр ушел, громко хлопнув дверью. Ушел к большевикам. Им его лекции оказались интересны, а ему такое сотрудничество давало возможность кормить семью.

«Золотой век, то есть Великая Всемирная Федерация народов, построенная на основе чистого идейного коммунизма, господствовала некогда на всей Земле, —

рассказывал морякам Барченко. — И господство ее насчитывало около ста сорока четырех тысяч лет. Около девяти тысяч лет тому назад, считая по нашей эре, в Азии, в границах современного Афганистана, Тибета и Индии, была попытка восстановить эту федерацию в прежнем объеме. Это та эпоха, которая известна в легендах под именем похода Рама... Рама — культура, овладевшая полностью как дорической, так и ионической наукой. Рамидская Федерация, объединившая всю Азию и часть Европы, существовала в полном расцвете около трех тысяч шестисот лет и окончательно распалась после революции Иршу».

Лекции пользовались популярностью, и вскоре на Александра Васильевича обратили внимание чекисты. Так состоялось его знакомство с «большими людьми» с Лубянки. А потом — интересная работа с профессором Бехтеревым и многочисленные экспедиции на Север.

Александр Васильевич не признавался, что хочет отыскать следы развитой цивилизации. Зачем? Бехтерев его вряд ли понял бы. Зато чекисты во главе с Железным Феликсом почти разгадали его замысел. Он вспомнил эту незабываемую встречу на Лубянке, все свои ощущения. Входя в здание, Александр пытался справиться с ознобом. Сколько людей входило на Лубянку, и сколько не вернулось! Однако Бокий и Блюмкин уже доложили о его приходе, и молодой паренек в форме провел его в кабинет Дзержинского.

Александр Васильевич немного замешкался на пороге, сопровождающий постучал в дверь.

— Войдите, — раздался негромкий голос.

Никогда еще Барченко не видел Железного Феликса так близко. На худом озабоченном лице главного чекиста показалась улыбка:

— Как я понимаю, вы Александр Васильевич Барченко?

— Совершенно верно, — у ученого заплетался язык.

Дзержинский знаком приказал офицеру, который привел к нему Барченко, покинуть кабинет.

— Вот теперь нас не слышит ни одна живая душа, — его глаза буравили сидевшего напротив мужчину. — И вы можете говорить откровенно.

Александр Васильевич сжал пальцы:

— Да, конечно, но что вас интересует?

Феликс Эдмундович вскинул брови:

— А вы не догадываетесь? Результаты вашей экспедиции на Кольский полуостров. Кстати. Ваш отчет при вас?

— Да, — ученый протянул ему исписанные листы.

— Я ознакомлюсь с ним, — Дзержинский бросил его в ящик стола.

— Но я обещал сегодня отнести его Владимиру Михайловичу, — пролепетал исследователь. Феликс Эдмундович наклонил голову:

— Он тоже увидит его. И вы должны знать: это никогда не будет опубликовано.

— Почему? — теперь пришел черед удивляться Барченко.

— Потому что экспедиции продолжатся, но будут носить секретный характер, — он снова улыбнулся: — Признайтесь, уважаемый, вы ведь ехали на Север не за изучением болезни под названием «мерячение»? Вас интересовало совсем другое.

«Неужели догадался?» — промелькнуло в мозгу ученого.

— Догадаться было нетрудно, — пояснил главный чекист. — Достаточно ознакомиться с вашими взглядами и почитать любимую вами литературу. Остатки

древних цивилизаций волнуют вас по одной-единственной причине. Вы считаете, что древние люди владели тайной расщепления атома, иными источниками энергии, а также действенными средствами психотронного воздействия на людей. И сведения об этом, по-вашему, не исчезли, они сохранились в закодированной форме, их можно отыскать и расшифровать.

У ученого от волнения дрожали руки. Дзержинский заметил это, и на его худом лице появилась усмешка:

— Зря вы нервничаете. Вы стоите на пороге интересных открытий. Согласно гиперборейско-тамплиерским преданиям, в тех местах, куда прибыла ваша экспедиция, должна быть сокрыта самая величайшая реликвия всех эпох и народов — Священный Грааль, или Камень с Ориона. Вы ведь считаете, что Грааль — не чаша и не кубок, а именно «вожделеннейший камень», дарующий сокровенное знание и бессмертие. Я прав?

Ученый кивнул.

— И каковы ваши мысли на этот счет? Отыскали ли вы то, что хотели?

Александр Васильевич покачал головой:

— Возможно, камень подобного рода хранится в тех подземных ходах, куда мы никак не смогли проникнуть.

Дзержинский не мог скрыть волнения:

— Значит, он все же существует?

— Думаю, да, но для полного ответа на этот вопрос потребуется время.

— Сколько?

— Не знаю, — откровенно признался Барченко.

— А когда узнаете?

Ученый посмотрел на чекиста:

— Возможно, через несколько лет.

Феликс захрустел пальцами:

— Поймите, этот вопрос очень важен и для нас. Представляете, какое мощное оружие мы получим против наших врагов, если вы отыщете заветный камень. Наша страна будет непобедима.

Барченко молчал.

— Я предлагаю вам работать на органы госбезопасности и возглавить сверхсекретную лабораторию оккультного направления, — сказал Дзержинский. — Вы, конечно, можете подумать, но долго размышлять не советую. Результаты нужны как можно скорее.

Что мог ответить на это Александр Васильевич? Наклонив голову, он пробормотал:

— Я согласен.

Он понял, почему Феликс ухватился за его теории. Как любой властолюбец, Дзержинский бредил идеей управления людьми при помощи какого-нибудь психотропного оружия. А если это оружие к тому же не надо создавать, если где-то имеется практически готовый материал, так почему же его не заполнить, и поскорее?

Благодаря чекистам была организована экспедиция в Крым. Вроде бы все шло хорошо, но Барченко не тешил себя надеждами на лучшее. Нехорошие предчувствия в последнее время постоянно тревожили Александра Васильевича. Он никогда не переставал думать о том, что, пока нужны его исследования, он жив. Как только наука подобного рода перестанет интересовать правительство, можно считать себя мертвецом. И, как выяснилось, он не ошибся. Пока организация Барченко находилась под колпаком Железного Феликса, ее не трогали. Однако на подходе был тридцать седьмой год. Иосиф Виссарионович давно проявлял к организации большой интерес и даже запросил отчеты обо всех экс-

педициях. Естественно, Бокий, куратор Александра Васильевича, не посмел отказать вождю. В материалах не было ничего крамольного, но, одержимый идеей заговоров, Сталин боялся любой организации. Что они ищут? Если так долго ищут, почему не сделали мало-мальски пригодного для науки открытия? Не является ли это прикрытием группы заговорщиков, лелеющих надежду сместить его, Сталина? Бокия арестовали и в застенках выбили признание о заговоре.

Для Александра Васильевича и его «сообщников» руководство НКВД разработало легенду, дескать, на территории одного из восточных протекторатов Англии — какого именно, в деле не указывалось — существует некий религиозно-политический центр «Шамбала-Дюнхор». Этот центр имеет широко разветвленную сеть филиалов или ячеек во многих азиатских странах, а также в самом СССР. Его основная задача состоит в том, чтобы подчинить своему влиянию высшее советское руководство, заставить его проводить угодную центру политику. С этой целью Барченко и участники созданного им «филиала» восточного центра пытались получить доступ к советским руководящим работникам, активно занимались сбором секретных сведений и подготовкой терактов — против тех же самых советских руководителей! Сломленный бесконечными побоями и допросами друг Александр Кондияин в своих показаниях руководствовался подсказками следователя и писал: «Наша нелегальная организация пропагандировала мистику, направленную против учения Маркса — Ленина — Сталина».

Вспомнив об этом, Барченко решил ничего не писать о Крымской экспедиции. Он не сомневался, что его расстреляют. Пусть все тайны умрут вместе с ним.

Глава 3

Германия. Наши дни

Барон фон Лаппе сидел в своем особняке на берегу Рейна и задумчиво смотрел вдаль. В голове роем теснились грустные мысли. Финансовое положение его семьи оставляло желать лучшего. Кирпичный завод, основанный еще его прапрадедом, разваливался на глазах. Бойкие юркие конкуренты теснили старую фирму. Управляющий заводом не мог решить ни одной проблемы, которые наваливались и наваливались, как снежный ком, и фон Лаппе уже предчувствовал разорение.

Что же будет с детищем его семьи, кирпичным заводом? Да, ни отец, ни дед не похвалили бы его за такое ведение дел. Наверняка это стоило бы им — будь они живы — сердечного приступа. Но что же делать? Как спасти семейный бизнес?

Генрих наморщил желтоватый лоб, испещренный глубокими морщинами. У него есть полмиллиона марок в банке, но это деньги на семейные расходы. Их можно потратить на спасение завода при одном условии — если быть уверенным на сто процентов, что его удастся спасти. В противном случае он пустит по миру семью и сам пойдет просить милостыню.

Фон Лаппе подумал, что особняк, где он родился и вырос, наверняка придется продать и переехать в более скромные апартаменты. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь. Деньги, вырученные от продажи, можно пустить в оборот и бросить на спасение завода. Генрих передернулся и заворочался в кресле. Надо же, никогда ему и в голову бы не пришло, что все может так кончиться...

— Генрих, почему ты не идешь ужинать? — Его супруга Луиза, высокая худошавая блондинка, сохранившая фигуру, несмотря на возраст, подошла к окну, загородив солнце. — Марта сказала мне, что давно приглашала тебя в столовую.

Он встрепенулся:

— Да, дорогая, Марта говорила мне. Я читал книжку и задумался. Прости. Я сейчас приду.

На овальном лице жены появилось заинтересованное выражение.

— Читал книжку? Что же ты такое читал, дорогой?

Она бросила взгляд на письменный стол, и мужчина покраснел, пойманный с поличным. На столе лежали только папки с документами, никакой книги не было и в помине.

— Зачем ты мне лжешь, Генрих? — Она сжала губы. — Ты не хочешь есть или... — женщина пристально посмотрела ему в глаза, — у тебя что-то случилось?

«Случилось, — захотелось крикнуть ему. — У тебя тоже случилось. И у наших детей. У всех нас», — но вслух он ответил:

— Извини, дорогая, я ляпнул первое, что пришло в голову. Не думай о плохом, умоляю тебя. Ничего не случилось. Просто... Мне иногда необходимо побыть одному, чтобы обдумать свои дела. Ты это прекрасно знаешь.

Ему не удалось ее успокоить, он чувствовал это. Фон Лаппе знал свою жену так же хорошо, как и она его. Все же тридцать лет брака... Красивые серые глаза женщины сузились, и это говорило о том, что она не верит ни единому слову.

— Ты никогда не обдумывал свои дела за ужином. Скажи же наконец, что произошло?

— Я уже... — начал было фон Лаппе, но тщательно составляемую фразу прервал голос слуги Якоба:

— К вам какой-то господин. Прикажете принять?

— Что ему нужно? — Барону совсем не хотелось видеть чужого человека, а еще меньше — говорить о делах. — Скажи, я занят и сегодня не принимаю.

— Но, господин барон, этот человек иностранец и утверждает, что у него для вас важное сообщение, — вкрадчиво начал слуга. — Он знает, как вам помочь.

Желтоватый лоб фон Лаппе покрылся холодным потом. Иностранец? Знает, как помочь? Не значит ли это, что он хочет приобрести кирпичный завод? Нет, это невозможно, завод нечто вроде семейной реликвии, которая не продается. Но откуда какой-то иностранец узнал о положении его дел? О них никто и понятия не имеет, кроме самых доверенных лиц.

— Ладно, проси, — разрешил Лаппе. — Пусть проходит ко мне в кабинет.

Вопреки его ожиданиям, Луиза не стала спорить.

— Сделать вам чаю? — покорно спросила она.

— Да, будь любезна, дорогая.

Луиза послушно скрылась за дверью. Через минуту раздался стук, и Якоб доложил:

— К вам господин Стремглазов.

— Пусть войдет, — отозвался немец.

Дверь раскрылась, и Якоб впустил плотного темно-волосого смуглого мужчину лет сорока. В его широком лице было что-то неприятное, и фон Лаппе поморщился. Он не любил общаться с людьми, которые отталкивали его сразу с момента знакомства, но все равно делал это, как хороший бизнесмен.

— Здравствуйте, — произнес незнакомец с восточным акцентом.

— Здравствуйте, — Генрих указал на стул. — Чем могу быть полезен?

— Меня зовут Виктор, — представился вошедший.

— Вы из России? — уточнил фон Лаппе и пояснил: — Мне приходилось общаться с русскими. Ваш акцент ни с чем не перепутаешь.

Виктор кивнул:

— Совершенно верно, я из России. Но надеюсь, вы не настолько ненавидите мою страну, чтобы отказаться сотрудничать со мной?

— Мне не за что ненавидеть Россию, — буркнул недовольный Генрих. Он не любил беседовать о политике. — Господин Виктор, если у вас ко мне какое-то дело, говорите. Видите ли, я очень занятой человек.

Виктор широко улыбнулся, но это не прибавило к нему симпатии.

— Я уважаю деловых людей, господин фон Лаппе, — начал он, — главным образом, потому, что сам к ним принадлежу. И посему не станем терять времени. Что вы знаете о своем деде, господин фон Лаппе?

Барон подался вперед, всем своим видом выражая недоумение.

— Но при чем тут мой дед? Какое отношение он имеет к вашему визиту?

— Самое прямое, — улыбка гостя стала еще шире. — Так что вы знаете о своем деде?

— Мой дед воевал против СССР во время войны, — ответил Генрих. — В тысяча девятьсот сорок пятом году в Берлине он был убит. Так какое...

— Минутку, — перебил его Виктор. — Берлинский период его жизни меня не интересует. Вы знаете, что он делал в Крыму?

— Надо полагать, воевал, — проскрежетал фон Лаппе. Незнакомец начинал его раздражать. — Но к чему эти вопросы?

— Думаю, вам известно, что ваш дед служил в «Анненербе», у Отто Олендорфа, — продолжал русский. — Эта организация была создана в тысяча девятьсот тридцать пятом году по распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера. В составе СС немцы организовали «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков», которое больше стало известно под сокращенным названием «Наследие предков» («Анненербе»). Ведущее место в исследовательской деятельности этой организации занимали биологические и медицинские исследования. Ваши соотечественники проводили медицинские опыты как над заключенными концлагерей и советскими военнопленными, так и над немецкими военными служащими — добровольцами, чтобы узнать различные пределы выносливости и приспособляемости человеческого организма в различных условиях и освоить новые методы лечения. Если вы интересовались судьбой «Анненербе», то знаете, что ее деятельность была признана Нюрнбергским международным трибуналом одним из преступлений нацистского режима Германии против человечества, — он смотрел фон Лаппе прямо в глаза. — Но это нам с вами не должно быть интересно.

Барон откинулся на спинку кресла.

— Что же нам должно быть интересно? — спросил он, не понимая, куда клонит этот странный русский. Скорее бы он переходил к делу!

— Также в «Анненербе» было немало различных экзотических отделов, занимавшихся, к примеру, па-

рапсихологией и оккультизмом, — продолжал Виктор. — Итак, я прочел вам небольшую лекцию об организации, в которой состоял ваш дед, и не возьму за это ни копейки. А теперь перейду к главному. Летом тысяча девятьсот сорок первого года отдельная группа «Анненербе» оказалась в Крыму и создала в крымских горах лабораторию. Вам об этом известно? — Он приотпнул ногой, и фон Лаппе вздрогнул:

— Я ничего не знал об этом. Дед не вернулся с войны, а бабушка ни о чем таком не рассказывала.

— Понятно, — кивнул посетитель. — Тогда позвольте ознакомить вас с тем, что было дальше. Отто Олендорф возлагал на крымские исследования большие надежды и не обманулся в ожиданиях. Ваши соотечественники что-то нашли. И это что-то позволило заявить о том, что благодаря этим открытиям война скоро закончится победой Германии.

Неожиданно для себя фон Лаппе заинтересовался рассказом незнакомца. Жаль, что дед погиб в Берлине. Сколько интересного он мог бы рассказать внуку и сыну!

— Продолжайте. — Он нетерпеливо щелкнул длинными пальцами. Виктор улыбнулся.

— Вижу, вам понравилось, это хорошо. Но дальше все было не столь оптимистично. Ваши соотечественники получили приказ свернуть лабораторию. Они надеялись вернуться, поэтому решили оставить материалы и документы в Крыму, тщательно спрятав, чтобы не нашли партизаны. О, партизаны доставили им много хлопот! — Он расхохотался неприятным смехом. — Дело в том, что они следили в оба глаза за экспедицией Олендорфа, были осведомлены об открытиях. Вот почему партизанский отряд напал на

экспедицию и похитил важные документы, — Виктор глотнул. — Среди них оказалась карта с зашифрованными на ней координатами местонахождения так называемых сокровищ, оставленных в Крыму вашими соотечественниками.

— Почему сокровищ? — недоуменно спросил фон Лаппе.

— Согласитесь, — охотно отозвался гость. — Если экспедиции удалось обнаружить нечто влияющее на ход военных действий, это уже сокровище.

Барон кивнул:

— Возможно, вы правы. Но хоть убей, я не понимаю, куда вы клоните. Кажется, мой слуга сказал, представляя вас, что вы можете мне помочь. Как и чем? И какое отношение имеет к этому крымская экспедиция, в которой принимал участие мой дед!

Незнакомец поднял руку, и в лучах заходящего солнца блеснул перстень необычной формы:

— Минутку, мой дорогой барон, минутку. — Генриха покорила фамильярность незваного гостя. — Подхожу к делу. Вы же не будете отрицать, что ваш кирпичный завод на грани банкротства?

— Не буду, — отозвался фон Лаппе. — И что с этого?

— Если вы не уволите вору-управляющего, который просаживает в казино ваши деньги, и не сделаете хорошие денежные вливания, ваш бизнес умрет, — тон Виктора стал суровым. — Однако если бы это было так просто, вы давно бы уже сделали это без моей подсказки. Возможно, вы не знали только про управляющего... Теперь знаете, но это делу не поможет. Для спасения вашего бизнеса нужны деньги, а их у вас нет. Я прав?

Генрих молчал. В конце концов, почему он должен открываться с первым встречным?

— У вас их нет, мне это точно известно, — усмехнулся Виктор. — Не удивлюсь, если перед моим приходом вы обдумывали продажу своего особняка. Я угадал?

— Допустим, — наконец выдавил фон Лаппе. — И что с того?

— Я знаю, где взять деньги, — продолжал Виктор. На желтоватом лице барона появилась заинтересованность.

— Правда? И где?

— Экспедицией, в состав которой входил ваш дед, были сделаны уникальные открытия, — ответил русский. — Об этом я толковал вам битый час. Документы до сих пор спрятаны на крымской земле. Стоит только поехать и взять. Поверьте, любая страна предложит вам за них огромные деньги. Всем хочется властвовать над миром, не так ли? Эти деньги вы вложите в бизнес и начнете процветать, как прежде.

Фон Лаппе усмехнулся. Предложение незнакомца напоминало красивую сказку.

— Если это так просто, почему вы не сделали это сами? — спросил он. — И откуда у вас такая уверенность, что они до сих пор покоятся там, куда их положили? Вы же сами сказали про партизан. Разве они не нашли документы?

— Не нашли, — уверенно произнес Виктор. — Все партизаны погибли. Карту забрали две молоденькие девушки.

Генрих наклонил голову:

— Так... Почему вы думаете, что они не воспользовались находкой и не отыскивали документы?

— Они не воспользовались находкой, — веско проговорил посетитель. — Это правда. Все было под контролем.

Фон Лаппе потер висок:

— То есть, вы хотите сказать...

— Все там, где и было, — уверенно произнес Виктор. — Позже, если вас заинтересует, я расскажу подробнее. Ну что, вы согласны поехать и забрать их?

Генрих закрыл глаза. Перед ним пронеслись заманчивые картины расцвета его семейного бизнеса. В самом деле, если все так просто, как говорит незнакомец, почему бы ему...

— Допустим, я согласен, — произнес он. — Что дальше?

— Дальше вы должны помочь мне спонсировать экспедицию поиска документов, — невозмутимо пояснил Виктор. — Думаю, кое-какие деньги у вас есть. Почему бы вам не вложить их в проект?

Фон Лаппе усмехнулся:

— Значит, бесплатно нельзя...

— Бесплатно не получится, — в тон ему отозвался гость. — Разумеется, мы не станем лазать по горам и гоняться за желающими составить нам конкуренцию. Сами понимаете, бесплатно никто и пальцем не пошевелит.

Барон ничего не ответил. Виктор продолжал:

— Если кое-кто не захочет делиться информацией, с ним придется поработать индивидуально.

— То есть убивать? — Генрих сжал кулаки. — Я не собираюсь подписываться под убийством. Убирайтесь вон, мне не нужны никакие сомнительные заработки!

Виктор ухмыльнулся:

— Ну и черт с вами, — он встал со стула. — Я пришел к вам первому только потому, что мне показалось: вы имеете отношение к документам. Но если вы добровольно отказываетесь участвовать в проек-

те — черт с вами. Я найду того, кто заплатит деньги. А вы сидите здесь и ждите своего банкротства, — он собирался что-то добавить, но передумал и махнул рукой: — Желаю успеха.

Генрих перехватил посетителя возле двери:

— Стойте. Насколько это опасно?

Он вспомнил высказывание своего отца, что деньги не всегда бывают чистыми. В конце концов, его семья всего лишь возвратит себе то, что ей полагается по праву. В противном случае этим завладеют случайные люди.

— Насколько это опасно? — повторил барон, глядя в холодные глаза Виктора. Тот улыбнулся:

— Я знал, что вы будете благоразумны, — почти ласково произнес он. — Это не будет опасно, если мы найдем профессионалов. А они дорого стоят. Ну что? Каково ваше решение?

Генрих снова опустил на стол и склонил голову:

— Я согласен. Деньги будут завтра.

Виктор щелкнул пальцами, и снова блеснул перстень:

— Отлично. Значит, завтра продолжим наш разговор. А пока разрешите откланяться, господин барон. И умоляю, не пытайтесь меня обмануть. У вас ничего не получится. Все под контролем.

За ним захлопнулась дверь, а Генрих все стоял и смотрел широко раскрытыми глазами туда, где еще недавно находился посетитель. Простояв некоторое время, словно приклеенный к полу, он повернулся и на негнущихся ногах подошел к креслу. Все, что сейчас говорилось, нет слов, звучало заманчиво: предстояло всего-навсего найти документы, за которые кто-то выложит баснословные деньги. Как не-

плохой бизнесмен, он привык взвешивать каждый свой поступок. Да, Генрих пообещал Виктору материальную помощь, однако перед этим следовало все хорошенько обдумать.

В дверь заглянула Луиза:

— Дорогой, кто был этот неприятный человек? Какие у тебя с ним дела? И когда наконец ты подойдешь к столу?

— Иди, Луиза, сейчас подойду, — в голове барона крутились противоречивые мысли. Он встал, подошел к шкафу, открыл дверцу и достал шкатулку ручной работы. В этом ларце хранились письма от деда, сначала любовно берегаемые бабушкой, а потом другими членами семьи. Генрих отыскал самое последнее — об этом можно было судить по дате на пожелтевшем листке бумаги, исписанном красивым ровным почерком — и принялся жадно читать. Дед писал о трудностях и лишениях, выражал надежду на скорое возвращение домой. Фон Лаппе заинтересовала одна фраза «Герда, когда я вернусь, мы приумножим наш бизнес, — читал барон. — Мы станем баснословно богаты. И этим я буду обязан экспедиции, отыскивавшей артефакты, способные вершить судьбы людей. Так что жди меня и надейся на хорошее. Твой Ганс». Дрожащими пальцами барон сложил письмо в серый конверт, потом вернул в шкатулку и убрал ее в шкаф. Несомненно, дед имел в виду крымскую экспедицию. Что же, выходит, незнакомец говорит правду?

Еще немного посидев в одиночестве, фон Лаппе решил вложить в предприятие сто тысяч марок. Обманывать гостя и самому пускаться в крайне рискованное предприятие он не собирался. Его участие должно оставаться тайной. Если дело не выгорит, у него

останется еще четыреста тысяч. Хватит для вложения в бизнес. И надо будет уволить управляющего, если Виктор сказал правду. В любом случае, много он не потеряет.

А между тем человек, который называл себя Виктором, уверенно шагал по Берлину и весело насвистывал какую-то незатейливую песню. Он был доволен собой. Генрих фон Лаппе заглотнул крючок, и это означало, что не сегодня-завтра он начнет искать то, что по праву принадлежит только ему. По окончании операции тот, кто называл себя Виктором, и не думал делиться с бароном. Он не сомневался, что покупатели найдутся сразу. А потом с баснословными деньгами он скроется за границей, не в Германии, конечно, и фон Лаппе его не достанет.

Глава 4

Межгорск. Наши дни

Этот звонок был каким-то чужим: резким, нервозным, дребезжащим. Так не звонили ни подруга Мария, которая уже много лет не приходила к ней, ни любимый внук. Роза Михайловна вздрогнула и встала из-за стола, оставив миску нечищеного картофеля. Как бы предчувствуя беду, заныло сердце, хотя на сердце она не жаловалась и в свои девяносто с лишним. Несмотря на грузную фигуру, бегала по магазинам и рынкам, делала всю домашнюю работу, стараясь не грузить внука, учителя русского языка и литературы: мыла полы, стирала, готовила. Правда, тяжелые сумки Олег таскал сам... «Он вообще молодец», — подумала Роза Михайловна и застыла у две-

ри, в который раз сетуя на отсутствие дверного глазка. Чужой звонок повторился — более напористо.

— Кто там? — спросила она.

— Не бойтесь, — раздался и знакомый, и незнакомый одновременно мужской голос. Где она его слышала?

— Я и не боюсь, — участнице Великой Отечественной войны было смешно слышать такие слова. Женщина распахнула дверь. Перед ней стоял высокий представительный мужчина с черными, зачесанными назад волосами, смуглым лицом и большим носом. Он показался Розе знакомым. Только вот где она могла его видеть?

— Здравствуйте, уважаемая Роза Михайловна, — не спрашивая разрешения, он зашел в прихожую и огляделся. Пожилая женщина молчала, искоса посматривая на гостя. Что ему нужно в ее доме?

— Мне говорили, что крымчаки, к коим вы принадлежите, довольно гостеприимны, — улыбнулся гость. — Ну, Роза Михайловна, разве вы не пригласите меня в комнату?

— Зачем? Что вам нужно? — От всей его фигуры исходила угроза, хотя карие глаза смеялись. — Что вам нужно? — повторила она. Он не собирался таиться.

— У вас есть вещь, нужная мне, — мужчина чеканил каждое слово. — Ну, дорогая моя, не прикидывайтесь. Вы знаете, о чем я говорю. Эту вещь вы получили еще во время Великой Отечественной.

Женщина продолжала молчать. Мужчина стал проявлять нетерпение.

— Роза Михайловна, будьте умнее и проницательнее, — процедил он. — Я не прошу вас отдать эту вещь

просто так. Я хорошо заплачу, очень хорошо, вы слышите? Кажется, у вас молодой внук, учитель? Как мне известно, учителя не могут похвастаться зарплатами. Я могу дать очень большие деньги. И не в рублях. Вы меня понимаете?

— Не понимаю, — она наконец разомкнула губы. — Не понимаю, о чем вы говорите. У меня ничего нет. Никакой такой вещи, которая бы стоила так дорого.

— Хорошо, — он кивнул, — согласен. Вам трудно принять такое решение с ходу. Даю вам день на размышление. Если что — вот моя визитка, — гость положил на стол маленький картонный квадратик. — Здесь только телефон. По-моему, нет нужды указывать свое имя, если предлагают такие деньги.

— Уйдите, прошу вас, — голос женщины задрожал. Она вдруг вспомнила, где могла его видеть. — И никогда больше не приходите сюда.

— Я не обижаюсь, Роза Михайловна, — мужчина развел большими руками. — И все же надеюсь на ваше благоразумие. Именно поэтому я уверен, что вы не пойдете в полицию, — он направился к двери и открыл ее. — До свидания. И помните: один день. Не больше. У меня нет времени.

— Уходите, — теперь ее голос звучал тверже. — Это мой окончательный ответ.

— Никогда не говори «никогда», — рассмеялся он, прежде чем утонуть в сумерках.

Закрыв за ним дверь, Роза Михайловна прислонилась к стене. Она задыхалась. На смуглом морщинистом лице выступили крупные капли пота. Этот негодяй не оставит ее в покое даже после смерти. К сожалению, незнакомец во многом прав. Это было бы верхом глупости жаловаться на него в полицию. Ее

пальцы с утолщенными суставами сгребли визитку и разорвали на мелкие кусочки. Никакой продажи не будет. А завтра она все расскажет Олегу. Почему завтра, почему не сегодня? Ей нужно собраться с духом. Слишком много горестных событий придется восстанавливать в памяти. Но внук должен обо всем узнать. Узнать и принять справедливое решение. А он примет — женщина в этом не сомневалась.

Глава 5

Крым, 1941 год. Севастополь

— Ну, детки дорогие, пора и за стол садиться, — сказал Яков Захарович Бакиши, потирая руки. — Наша дорогая мама и бабушка, как всегда, на высоте. Запах, — он потянул длинным крючковатым носом, — потрясающий. Роза, помоги бабуле накрыть на стол.

— Конечно, дедушка, — отозвалась четырнадцатилетняя красавица Роза, тонкая, как тростиночка, красивая той восточной красотой, которой всегда восхищались поэты и писатели: смуглая гладкая кожа, черные глаза с поволокой, тонкий нос с чуть заметной горбинкой. — Мама и тетя Сара, наверное, уже устали.

— Что же ты не с ними? — строго спросил дед. — Почему отлынивала от работы?

— А вот и неправда! — крикнула Роза и засмеялась. — Я сегодня сама курабье приготовила.

— Правда? — Старик взглянул на нее поверх очков с толстыми стеклами. — За это хвалю. Ну иди, неси угощение.

Девушка охотно отправилась на кухню. Она любила и уважала деда — высокого, моложавого, подтянутого,

аккуратно и со вкусом одетого, носившего очки с толстыми стеклами, за которыми всегда угадывался добрый взгляд. Несмотря на то что Яков Захарович был сапожником, как и его дед и отец (сын, отец Розы, тоже пошел по его стопам), он слыл образованным человеком: хорошо знал историю, читал Тору в оригинале на древнееврейском языке. Девушка улыбнулась, вспомнив, как однажды на празднике Пасхи дедушка спросил ее:

— Знаешь, почему я так поломал мацу?

Она замотала головой, и тогда старик, посадив внука на колени, стал терпеливо рассказывать о том, как евреи вышли из Египта и сорок лет бродили по пустыне. Это звучало, как интересная сказка, и Роза заснула у него на коленях, а тетя Сара, старшая сестра мамы, отнесла ее в кровать. Именно благодаря Якову Захаровичу семья Бакиш была сплоченной, именно из тех семей, про которые говорят: «Вместе в беде и в радости». Благодаря рассказам деда и бабушки Роза знала, сколько несчастий перенесла ее семья.

В 1914 году с началом Первой мировой войны Якова призвали на военную службу. Ему повезло. Он не получил даже царапины и после окончания военных действий вернулся в Бахчисарай, где его ждали мать, отец и красивая певунья Мириам. Вскоре молодые сыграли свадьбу, и один за другим у них родились трое детей. Казалось бы, можно жить да радоваться, заниматься любимым делом и растить ребятшек. Но эпоха лихолетья не закончилась. Во время Гражданской войны, когда обе воюющие стороны демонстрировали негативное отношение к евреям и крымчакам, Яков решил ехать в Палестину. Добраться до нее тогда можно было только одним способом: сначала на борту фелюги до Батуми, а потом вместе с контрабандистами — до Турции. Только от-